

И. А. Мельников

**СТАРООБРЯДЧЕСТВО УСТЮЖЕНСКОГО УЕЗДА
НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX–XX вв.: ДИНАМИКА
РАССЕЛЕНИЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ¹**

Основной корпус материалов, проясняющих историю староверия Устюженского уезда в XIX – начале XX в., хранится в Российском государственном историческом архиве в фонде Департамента общих дел МВД. Помимо частных дел о «сращениях в раскол», к данному фонду относятся также материалы масштабных расследований в связи с закрытием и опечатыванием моленных и кладбищ. Отдельно стоит выделить отчет чиновника по особым поручениям Ю. К. Арсеньева, направленного в 1850-х гг. в Новгородскую губернию с целью выявления подлинной численности старообрядцев. Также ценные сведения о конфессиональной жизни губернии содержатся в отчете о «раскольниках Новгородской епархии», составленном епархиальным начальством в 1817 г. на основе рапортов благочинных и хранящемся ныне в фонде Александровской лавры. Помимо ценных характеристик отдельных центров новгородского староверия, в нем также содержатся сведения о менее традиционных для региона диссентерских движениях².

К сожалению, в Государственном архиве Новгородской области нам удалось выявить значительно меньше материалов, касающихся интересующего нас региона. Эти материалы относятся к XX в. и хранятся в фонде уполномоченного по делам религий (Ф. Р-4110). Гораздо более

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Новгородской области в рамках научного проекта № 18-49-530002 «Народное христианство в социокультурном пространстве Новгородской земли XX–XXI вв.: исследование динамики феномена на материале архивных и новейших материалов фольклорно-этнографических экспедиций».

² Подробнее о них см.: Мельников И. А. Русские религиозные диссентерские движения Новгородской губернии в первой пол. XIX в.: «духовщина» // Новгородика-2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность: материалы VI Междунар. науч. конф., Великий Новгород, 26–27 сентября 2018 г.: в 2 т.; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2018. Т. 2. С. 160–167.

подробным источником по новейшей истории староверия Пестовского района являются мемораты, записанные автором в ходе этнокультурологической экспедиции Новгородского университета (2015 г.), проходившей в данном регионе, а также в ходе отдельных самостоятельных опросов автором выходцев из описываемых деревень в Великом Новгороде и Санкт-Петербурге (2015–2017). Устная история старообрядчества, помимо не всегда точных данных исторического характера, содержит важную интерпретативную составляющую, отражающую ментальность и мировоззрение потомков представителей беспоповских направлений староверия.

При изложении материала мы отдали предпочтение географическому принципу, подчинив ему описание хронологии развития отдельных духовных центров микрорегиона. Благодаря этому, как мы полагаем, появилась возможность более рельефно продемонстрировать любопытный пример внутренней территориально-сетевой самоорганизации, свойственной старообрядческим общинам Северо-Запада. По этой же причине мы выделили в тексте жирным шрифтом наименования населенных пунктов, претендовавших на роль центров духовной жизни старообрядцев Устюженского уезда, в каком-то роде альтернативных официальным приходам.

Старообрядчество северной и юго-восточной части Устюженского уезда в XIX в.

В начале XIX в. в Новгородской губернии довольно сильные позиции занимали радикальные направления старообрядчества – федосеевское и филипповское согласия. К этому же времени относится информация о проповеди страннического учения в северной территории описываемого уезда. На протяжении всего XIX в. эта территория была одним из основных ареалов распространения местного староверия.

В 1808 г. в Колотиловском лесу (северная часть уезда) была поймана группа из 29 человек, которую возглавлял 60-летний Яков Яковлев. Он начал скитаться еще со своим отцом, который бесследно исчез где-то под Старой Руссой. После этого Яковлев отправился к Волхову, затем – к Тихвину, подбирая по пути новообращенных. Большинство из них происходили из деревень Устюженского уезда, принадлежавших помещице Чоглоковой³. Вероучение Якова Яковлева во многом напоминало странническое – он учил, что нужно избегать любых контактов с властями, жить подаянием и скитаться. Насколько можно заключить из допроса Яковлева, он и его последователи не почитали царскую власть: «Государя Императора ныне царствующего, в рассуждении разномыслия с ним, и что он Государь Император брешет браду что означает

³ РГИА. Ф. 1284. Департамент общих дел МВД. Оп. 195. 1809 г. Д. 7. Л. 1–4.

ересь, а за то проклятие он таковым не признает и ему неповинуется словом кроме Бога никому неподвластен»⁴. Однако крестьянский проповедник не ограничивался одним этим тезисом. Гораздо более радикальным являлось его учение о податях, которое он выводил из прочитанных книг собственного собрания: «научал не платить в казну с прочими равную обязанность так как она происходит от повеления с ним иноверного»⁵.

Примечательно, что Яков Яковлев крестил в свою веру всех новообращенных, в том числе и тех, кто уже был крещен в федосеевской моленной в Тихвине. Все прозелиты наделялись новым именем, а те, кто на допросе сказался «незнающим родства», именовали себя по отчеству Яковлевыми. Таким образом, община, состоявшая почти из трех десятков человек, представляла некое подобие семьи, объединенной желанием «спасения души» в «антихристовом» государстве. Не менее характерно, что большинство членов общины были помещичьими крестьянами, среди них были солдаты и беглые из-под стражи⁶. Неприятие власти помещиков так или иначе отразилось в допросных речах арестованных. Так, крестьянка д. **Нос** Тихвинского уезда, принадлежавшая «господину» Чоглокову, говорила, что «ныне ж она не только означенного Г<осподи>на но и Государя Императора за такового не признает и не повинуется а что Государь и Господин ее на небесах а на земле она неподвластна никому»⁷. У Якова Яковлева был ближайший сподвижник – 60-летний крестьянин д. **Горки** соседнего Тихвинского уезда Евстафий Матвеев, за десять лет до присоединения к Яковлеву крестившийся в Тихвинской моленной⁸. Чем закончился суд над арестованными, неизвестно.

В середине XIX в. центры староверия «тихвинского пограничья» располагались в деревнях и селах Косые Харчевни и Сомино (в последней располагалась моленная)⁹. Местные «раскольники» поддерживали тесную связь с Тихвином и соседними старообрядческими деревнями Тихвинского уезда.

Несмотря на значительную численность староверов этой части уезда, стоит отметить, что все моленные, находившиеся здесь в этот период, насколько можно судить по документам, располагались в жилых избах. Таковой была моленная в с. **Сомино** – главном центре местного «раскола». Крестьяне приходили со своими образами и книгами в избу Андрея Иванова Ефимкова, который одновременно являлся и на-

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1809 г. Д. 7. Л. 1–4.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 14–14 об., 24–24 об.

⁷ Там же. Л. 21 об.

⁸ Там же. Л. 8 об.

⁹ Там же. Л. 365, 373.

ставником¹⁰. Службы здесь проводились только по праздникам. В Соминской пристани проживали также двое ямщиков Зимогорского Яма (Валдайский уезд), которые характеризовались как проповедники «раскола»¹¹.

Более любопытный пример старообрядческой культовой практики являет д. **Мартынково**, принадлежавшая в то время помещикам Белавиным. Постоянной моленной в ней не было, но отмечалось, что «осторожные сектаторы всегда собираются то в одной, то в другой избе; так что уловить их моления весьма мудрено»¹². Особенно многочисленными эти собрания были 6 августа по старому стилю, когда отмечался праздник Преображения. Этот день, согласно местной традиции того времени, считался днем рождения некоего инока Иова, почитавшегося крестьянами предводителя староверов¹³.

Однако наиболее активным деятелем старообрядчества данной местности в середине XIX в. был сорокапятилетний петербургский мещанин Василий Гаврилов Горун – «грамотный и хитрый фанатик»¹⁴. Согласно свидетельству чиновника, он посещал все деревни между Соминской пристанью и Тихвином, проповедуя старую веру. Его считали «агентом» старообрядцев-федосеевцев Волковского богаделенного дома, снабжавшим местные общины деньгами¹⁵.

Таким образом, мы видим, что староверие этого ареала тяготело больше к петербургским и тихвинским центрам старообрядчества, однако поддерживало оно связи и с ямским «расколом» Валдайского уезда. Несколько другая картина сложилась в южной и юго-восточной части уезда, отделенной от Соминской волости большим лесным и болотным массивом.

Несколько в отдалении от основных центров старообрядчества уезда располагались населенные староверами деревни, примыкавшие к уездному центру и рассеянные в нижнем течении р. Мологи. В середине XIX в. здесь так же, как и в северной части уезда, богослужения отправлялись тайно в жилых избах. В помещицкой д. **Семище (Селище)** на молитву по праздникам собирались в избу крестьянина-наставника Ефрема Федорова¹⁶. Последний характеризовался как «дряхлый», но «упорный» старик, к 1850-м гг. уже около сорока лет пользовавшийся влиянием на население¹⁷. Он рассматривался властями как опасный

¹⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1809 г. Д. 7. Л. 379 об.

¹¹ Там же. Л. 383.

¹² Там же. Л. 379 об.

¹³ Там же. Л. 380.

¹⁴ Там же. Л. 383 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 379.

¹⁷ Там же. Л. 381.

проповедник старой веры, предлагалось «удалить» его в целях подрыва влияния.

Старообрядчество данной местности было относительно малочисленным, что привело к его окончательному угасанию уже к началу XX в.

Старообрядчество Охонского погоста в XVIII–XX вв.

Населенные пункты, относившиеся в XIX в. к Охонской волости, считались основным центром «раскола» всего уезда.

Документальные свидетельства, выявленные в настоящее время, позволяют воссоздать историю староверия данной местности лишь с конца XVIII в. В свое время чиновник по особым поручениям Ю. К. Арсеньев относил распространение здесь «раскола» к началу данного столетия, причем он связывал это с влиянием авторитетных общин соседних Череповецкого, Тихвинского и Крестецкого уездов¹⁸. Сами крестьяне в середине XIX в. объясняли «легализацию» своих общин неким указом Екатерины II, данным в 1796 или 1794 году: «около 1790-го года в Бозе почившая Императрица Екатерина 2я во время проезда Ея чрез город Боровичи и Устюжну, по всеподданнейшей просьбе предков наших Высочайшим Указом разрешить изволила устроить, особое кладбище для погребения старообрядцев при дер. Гуськах, которое донныне существует»¹⁹. Так как этот факт приводился староверами в качестве доказательства легальности кладбища, сам документ не был найден в хранилищах, а его копия, хранившаяся у крестьян, сгорела при пожаре в д. Гуськи в 1830-х гг., его подлинность и действительное наличие подвергались сомнению чиновниками императорской администрации.

Тем не менее, к XIX в. старообрядчество Охонского погоста прочно удерживалось в четырех деревнях – Гуськах, Пестове (Карельском Пестове), Брикунове и Попове. Все местное староверие было представлено двумя беспоповскими согласиями филипповцев и федосеевцев.

Деревня Гуськи. Именно эта деревня, очевидно, уже с XVIII в. являлась основным центром и средоточием старообрядчества Охонского погоста. Согласно показаниям благочинного Ивановского прихода, к 1816 г. здесь имелись две моленные – филипповская и федосеевская. Они представляли собой «большие избы украшенные иконами»²⁰. Священник, мало осведомленный в тонкостях вероучения этих двух согласий, так описывал их разногласия: «1-е утверждают, что нужно испове-

¹⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 368.

¹⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. 1883. Д. 35. Л. 10 об.

²⁰ РГИА. Ф. 815. Александро-Невская Лавра Синода. Оп. 16. Д. 800. Л. 154.

даться во все четыре года посты: 2-е, должно только при смерти исповедываться»²¹. Очевидно, рядовые члены филипповской общины в данной местности принимали крещение лишь перед смертью, о чем свидетельствует и другое замечание благочинного: умерших, «хотя бы был и то 100 или 50 лет, поминают младенцами а не рабами»²². Наставником у них служил холостой крестьянин Афанасий Федоров, а также некто Федотович. Последний был связующим звеном между местной общиной и такими крупными центрами старообрядчества, как г. Тихвин и Пожарская вотчина Тверской губернии, в которые Федотович часто отлучался. Кроме наставников, в богослужении участвовали незамужние женщины, носившие черные платки и называвшие себя «иноками христианами». Они же могли совершать крещение при смерти в открытых водоемах даже в сильные морозы²³.

В другой моленной, федосеевской, служил также холостой наставник Парфентий Самсонов. Всех местных староверов объединяло неприятие таинств официальной церкви, избегание посещений священников, содержание своей отдельной посуды, а также строгие уставы, регламентирующие повседневную жизнь. Особо отмечалось, что федосеевцы и филипповцы Охонского погоста «в брак вступать велми запрещают»²⁴. В 1816 г. на многих старообрядцев и «мирских» жителей прихода повлияла проповедь некоего инока Максима из с. Кимры – крупного центра филипповского согласия Тверской губернии. Приехав во время Великого Поста в д. Гуськи, он «благословлял, давал великие наставления, а какие неизвестно» и скрылся так же внезапно на Святой неделе, как и появился²⁵. Очевидно, с его появлением было связано распространение слухов о конце света в мясопустную субботу или радунницу 1816 г., благодаря которым многие «мирские» жители приняли старую веру²⁶.

Достаточно радикальные взгляды местных староверов предопределили потребность скрывать их от бдительного ока полиции. Вероятно, по этой же причине ни одна из моленных в Гуськах и окрестных деревнях не была санкционирована полицией, что вызывало постоянные трудности у крестьян-старообрядцев в их взаимоотношениях с властями. Во время ужесточения преследований «раскольников» в царствование Николая I, в деревнях Охонского погоста было выявлено 6 старообрядческих моленных, действовавших без разрешения властей, три из которых располагались в Гуськах. В 1839 г. все они были закрыты и

²¹ РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800. Л. 154.

²² Там же. Л. 154 об.

²³ Там же. Л. 154–155 об.

²⁴ Там же. Л. 155.

²⁵ Там же. Л. 157.

²⁶ Там же. Л. 154 об.

опечатаны²⁷. Из документов делопроизводства известно, что в д. Гуськи две моленные принадлежали филипповцам, а одна – федосеевцам. Старейшая филипповская моленная была поставлена раньше 1780 г., федосеевская – примерно в 1780-х гг., а вторая филипповская – на рубеже XVIII–XIX вв.²⁸ Несмотря на то, что все они были построены до 1829 г., то есть до запрета построек новых молитвенных зданий «раскольниками», все три строения подпадали под действие запретов ввиду нелегальных починок, производившихся крестьянами.

Моления проводились наставниками удельными крестьянами 41-летним Афанасием Федоровым и 63-летним Парфеном Самсоновым. Афанасий Федоров, помимо всего прочего, иногда проживал при федосеевском женском монастыре-богательне на Тетерках, в Вышнем Волочке Тверской губернии, исполняя там должность наставника. Чиновники характеризовали его как простого мужика «без всяких сведений, без особенного природного ума», но при этом «фанатика», твердо преданного староверию²⁹. В 1839 г. он был выслан из Вышнего Волочка с запретом вновь здесь появляться. В Гуськах Федоров и Самсонов в описываемый период времени совершали крещения, которые в подавляющем большинстве случаев проводились тайно, после обряда крещения в официальной церкви, так как детей староверов «по крещении в Церкви нашей, никогда не носят в оную для приобщения и когда вырастают до 7 лет и от сего возраста до старости ни на дух и св. Причастию, ни на благословение к Священникам, ни к святой воде, ни к кресту животворящему не ходят»³⁰. Кроме них, среди клирошан моленной были 63-летний Родион Леонтьев, девки Татьяна Тарасова, Авдотья Иванова, Авдотья Матвеева, а также уроженка Весьегонского уезда Катерина Богданова³¹.

После того, как моленные опечатал пристав Сукин, были составлены описи всех икон и книг, находившихся там – одна в 1844 г.³² и вторая в 1849 г.³³. Благодаря этим описям мы видим, что все три гуськовские моленные обладали неплохими иконостасами с местными образами в богатых ризах, деисусным и даже праздничным (в старой филипповской моленной) чинами.

После освидетельствования Новгородской духовной консисторией икон, находившихся во всех моленных волости, было принято реше-

²⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 200. 1843. Д. 441. Л. 64 об.

²⁸ Там же. Л. 3–7 об.

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 5.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 74–83 об.

³³ Там же. Л. 101–109 об.

ние о возвращении их законным владельцам, что и было выполнено в 1849 г., после многочисленных прошений крестьян³⁴.

Несмотря на возврат икон, все выявленные моленные, в том числе и Гуськовские, были закрыты, разобраны и проданы с торгов за 45 рублей 85 копеек серебром, причем в самой процедуре повторного составления описей и разбора моленных в мае 1849 г. принял участие новгородский губернатор³⁵.

На этом злочиления староверов Охонского прихода не закончились. В июле 1857 г. полиция запретила хоронить на упоминавшемся кладбище близ д. Гуськи и д. Комзово, под предлогом затруднений, связанных с ведением списков рождающихся и умирающих раскольников, а также потому, что наличие кладбища «давало раскольникам возможность совершать обряды погребения чрез приглашаемых ими тайно наставников, с внешними оказательствами ереси»³⁶. На прошение крестьян министр внутренних дел Ф. Ланской отреагировал в пользу последних, разрешив хоронить на прежнем кладбище без «оказательств раскола»³⁷.

При всей агрессивности полиции по отношению к староверам Гуськов, меры административного характера явно не способствовали снижению активности старообрядцев. После закрытия и разрушения гуськовских моленных наставники местных федосеевцев и филипповцев распространили слух, что начальство, разрушив молитвенные дома, но при этом вернув конфискованную утварь и книги, «не смело коснуться древних, настоящих икон, боясь кары небесной», места, на которых стояли моленные, считались святыми и в середине XIX в. не застраивались³⁸. Иконы, возвращенные в 1849 г. полицией, ставили в жилых домах. Несмотря на запрет устройства новых молитвенных домов, в Гуськах уже спустя четыре года после закрытия моленных на молитву собирались в избу крестьянина Парфентия (Парфена) Семенова, при этом в ней практически не было постоянных образов, иконы приносились самими крестьянами на время проведения богослужений в субботу, воскресенья и праздники³⁹.

Сам гуськовский духовный отец Парфентий Семенов, родившийся в 1783 г., служил наставником примерно с 25-летнего возраста и к 1853 г. пользовался большим влиянием и авторитетом среди всех филипповцев Устюженского уезда. Он принадлежал к филипповскому согласию, однако поддерживал связи с Выго-Лексинским общежительст-

³⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 200. 1843. Д. 441. Л. 119.

³⁵ Там же. Л. 96–97.

³⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 213. 1858 г. Д. 87. Л. 1 об.

³⁷ Там же. Л. 3.

³⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 371 об.

³⁹ Там же. Л. 379.

вом и Преображенским богаделенным домом, где он неоднократно проживал. От руководителей Преображенского кладбища, с которыми Парфентий Семенов находился в постоянной переписке, он получал денежное вспомоществование, которое употреблял для распространения староверия среди «людей бедных и легковерных»⁴⁰. Следующими по старшинству наставниками в Гуськах в это время считались 64-летний Афанасий Федоров («грамотный и злой фанатик») и его племянник 39-летний Кузьма Кононов. После закрытия моленных в 1849 г. они оба в течение двух лет скрывались, в том числе в Преображенском богаделенном доме в Москве⁴¹. Гуськовские общины насчитывали в это время 382 последователя старой веры из 413 жителей деревни⁴².

Экспедиция чиновника по особым поручениям в начале 1850-х гг. негативно сказалась на многих старообрядческих общинах Новгородской губернии. Возможно, описанное ранее закрытие Свищевского кладбища являлось своеобразной реакцией местной полиции на визит чиновника.

Вероятно, сразу после закрытия прежних моленных в Гуськах и других деревнях Охонской волости появились новые молитвенные здания, открытые без дозволения высшего начальства. В 1864 г. староверы Охонской волости пытались легализовать свои храмы, подав прошение на имя императора Александра II⁴³. Однако их ждал отказ – ходатайство, «как неразрешаемое действующими узаконениями», было оставлено без последствий⁴⁴. Несмотря на это, гуськовские староверы продолжили собираться в двух нелегальных моленных, очевидно, федосеевского и филипповского согласий. Однако в 1868 г. молитвенные дома вновь были закрыты, а иконы изъяты и переданы в Ладожскую церковь Охонско-Федовской волости⁴⁵. За открытие моленных без разрешения властей в 1870 г. крестьяне д. Гуськов Григорий Яковлев Панафидников и Василий Никитин были судимы Устюженским окружным судом и приговорены к четырехмесячному заключению, а в случае отсутствия места в остроге – к 40 ударам розгами. Несмотря на приговор суда, оба крестьянина были помилованы императором⁴⁶.

В 1881 г. те же крестьяне д. Гуськи Григорий Яковлев Панафидников и Василий Никитин просили вернуть отобранные иконы, однако их прошение, судя по более поздним документам, осталось неудовлетворенным⁴⁷. Несмотря на неудачные попытки отстоять молен-

⁴⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 381 об.

⁴¹ Там же. Л. 382–382 об.

⁴² Там же. Л. 373–374 об.

⁴³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 42. 1864. Л. 2–4 об.

⁴⁴ Там же. Л. 5.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д. 35. 1883 г. Л. 31–37 об.

⁴⁶ Там же. Л. 4–4 об.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 13. Л. 1.

ные и вернуть иконы, крестьяне Охонско-Федовской волости были осведомлены о новых тенденциях в отношении к «расколу» со стороны государственной власти. В период с 1883 по 1893 г. местные федосеевцы и филипповцы подали не менее семи прошений на имя новгородского губернатора, министра внутренних дел и императора с просьбой открыть моленные и многострадальное Свищевское кладбище, вновь закрытое уездным начальством в 1883 г.⁴⁸ В качестве поверенного выступал наставник гуськовских федосеевцев Еким Анисимов. В одном из ходатайств крестьяне писали: «... до 1869го года у нас старообрядческие молены находились, которые по распоряжению начальства уничтожены. Почему мы и доверители наши не имеем молитвенного прибежища, так как мы и предки наши издревле содержали, и содержим, Старообрядческую Веру по правилам Стоглавого Собора постановленным в 1551 году под председательством Макария Митрополита Московского, которого и Православную церковь, несумненно причтен к лику Святых, и тех правил мы держимся»⁴⁹.

Непосредственным предлогом к написанию прошения на имя императора Александра III послужило восшествие его на престол и закон о «Даровании раскольникам некоторых гражданских прав», а также закон «О раскольнических метриках». В данном случае крестьяне Охонской волости, подобно староверам других регионов, неверно толковали эти указы, касающиеся лишь «коренных раскольников», умышленно или неумышленно подменяя значение закона в свою пользу. В прошении они так отразили восприятие данных законодательных актов: «в настоящее время в день принятия царствованного венца 15го мая 1883 года последовавшей вами монаршия милости на угнетенных старообрядцев называемых раскольниками которою дозволено устроить молени и выданы нам в волостное правление книги для записи рожденных умерших и браком считавшихся старообрядцев почему нами подано было три прошения Господину министру внутренних дел о разрешении нам устроить молению с доверенными удостоверениями о том что мы из древних времен старообрядцы»⁵⁰.

Таким образом, староверы думали, что под «коренными раскольниками» подразумеваются в том числе и те люди, которые формально значились «православными» по церковным метрикам, но де-факто являлись сторонниками старой веры. Разумеется, у властей был другой взгляд на суть проблемы. Общее число «лиц, именующих себя раскольниками», проживавших в четырех деревнях волости, в это время составляло 918 душ обоего пола. Большая их часть (384 чел.) проживала в Гуськах. Из этого числа ни один (в том числе и просители) не являлся

⁴⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д. 35. 1883 г. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Л. 10 об.–11.

⁵⁰ Там же. Л. 29–29 об.

по документам «коренным раскольников», были лишь «православные» и «совратившиеся в раскол», а еще 486 человек вообще не значились в церковных книгах, «так как, по заявлениям священников, совратившиеся в раскол весьма часто умышленно изменяют свои имена и фамилии и кроме того в посемейном списке легко могут значиться лица отсутствующие и умершие...»⁵¹.

Практика крещения и венчания в господствовавшей церкви, которую мы описывали ранее, приводила к тому, что староверам волости были недоступны поблажки законов, касавшихся «раскольников». Именно этот факт послужил основанием к очередному закрытию кладбища между дд. Гуськи и Комзово в августе 1887 г. Также местными чиновниками отмечалось, что для погребения староверов был отведен участок при церковном кладбище в с. Охона⁵².

Описание Свищевского кладбища, составленное приставом 2 стана Устюженского уезда, отражает характерные черты старообрядческих захоронений: «При осмотре названной местности «Свищевки» оказалось, что на расстоянии 1½ верст от деревни Гуськов... и на таком же расстоянии от деревень Комзова и Корельского Пестова, посреди молодого леса, огорожено крупным диким камнем, сложенным в форме ограды вышиною в 1½ аршина с воротами с одной стороны (с южной) раскольническое свищевское кладбище, величиною не более двух десятин. Кладбище это расположено на скате горы, оканчивающейся у самой дороги, идущей между деревнями Комзово и Кор. Пестова, а зимою пересекает эту дорогу у самого кладбища дорога из д. Гуськов в пустошь Иваньково. На кладбище ни дороги ни следов никаких нет; кладбище также поросло лесом – сосною и березою; между этими деревьями виднеется масса надгробных деревянных крестов, а между последними заметны и крепкие почти новые кресты...»⁵³. Стоит отметить, что это описание актуально и в наши дни, так как, несмотря на невзгоды, гуськовское староверческое кладбище «дожило» до наших дней практически в том же состоянии. Разбирательство длилось почти десять лет, и в 1897 г. по распоряжению новгородского губернатора староверам дозволили хоронить в этом месте.

С ходатайством об открытии кладбища вновь хлопотал федосеевский наставник из д. Гуськи Еким Анисимов. Судя по всему, он был весьма незаурядным представителем старообрядческого сообщества этого региона. Несмотря на то, что большинство судебных решений принимались не в пользу староверов, он трижды – в 1891, 1903 и 1904 гг. – подавал ходатайства, в которых требовал официального признания чина наставника. В первом ходатайстве императору он просил

⁵¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д. 35. 1883 г. Л. 37–37 об.

⁵² РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 124. 1894. Л. 5.

⁵³ Там же. Л. 8–8 об.

«дать на имя мое разрешительный указ о дозволении мне исправлять духовные требы, во всех местах где будет предстоять надобность, в тюрьмах, Богадельнях и Больницах и снабдить печатью», так как он избран обществом «исполнять духовные требы»⁵⁴.

Разумеется, оба раза Анисимов получал отказ⁵⁵. Тем не менее, как нам кажется, частота обращений в официальные органы власти с подобного рода просьбами со стороны старообрядцев в целом по России не могла не повлиять на законодательные практики, в том числе на озвученный в 1905 г. «Манифест о веротерпимости».

Отец Еким Анисимов приложил немало усилий не только к легализации общины, но и к приведению ее деятельности в соответствие с предписаниями указа 1883 г. По свидетельству наставника, несмотря на то, что становой пристав не показал староверам самого указа, о его положениях крестьяне узнали из «Сенатских ведомостей».

Для того, чтобы добиться его реализации, Анисимов, вероятно, не без помощи благодетелей, лично хлопотал в Сенате и Синоде: «А в то время мне Анисимову случилось быть в Сенате и Господин управляющий объявлял мне как и где можно просить указа на своего настоятеля который у вас находится за священника то есть за отца тогда и выдадут ему казенную печать. А я Анисимов его и спросил, куда сначала нужно входить с просьбой. Он мне велел идти к Господину прокурору Святейшего Синода в его канцелярию находящейся по Литейному проспекту. Причем и там было мною Анисимовым подавано прошение. И мне в канцелярии Господин Прокурор объявил что подписал указ и выдать его. Также и преосвященный митрополит подписал чтобы выдать мне печать и указ, но я не получил»⁵⁶.

Несмотря на неудачу, староверы гуськовской федосеевской моленной, тем не менее, завели книгу «переписи в России для старообрядцев по названию раскольников»⁵⁷, которая велась при моленной, вплоть до 1903 г. находившейся в доме крестьянина д. Гуськи Ивана Докучаева⁵⁸. Начальство больше не закрывало моленную, но и официального статуса она не имела. Вероятно, это и побудило все того же Екима Анисимова подать очередное прошение о дозволении легализовать молитвенный дом в 1904 г. Из доклада новгородского губернатора известно, что в это время в Гуськах из 102 семей 84 являлись староверами-федосеевцами, богослужение проводилось «беспрепятственно в отдельной комнате, напоминающей собою часовню», а метрические записи

⁵⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д. 35. 1883 г. Л. 65–65 об.

⁵⁵ Практика служения старообрядческих наставников-«капелланов» при воинских частях была осуществлена лишь в 30-е гг. в Прибалтике.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 12. 1904 г. Л. 9 об.–10.

⁵⁷ Там же. Л. 9 об.

⁵⁸ Там же. Л. 5.

записывались «в заведенную ими книгу, которая никакого официально-го характера не имеет и хранится у местного сельского старосты»⁵⁹. Известно, что дело не было разрешено и в 1906 г. Несмотря на объявление веротерпимости, реализация этого закона де-факто сильно буксовала, что отмечалось в том числе старообрядческой периодикой того времени⁶⁰.

К сожалению, документы умалчивают, получила ли Гуськовская община официальную регистрацию. Однако со слов последних представителей местного староверия известно, что до крупного пожара деревни, произошедшего в 1932 или 1934 гг., здесь стояла большая моленная с колокольней⁶¹. После того, как она сгорела, моления проходили на дому у бабушки Саши Москалевой⁶². В этот же период староверы Гуськов поддерживали связь с общиной в Старой Руссе, где училась мать одной из информантов⁶³.

Важный вклад в развитие местного староверия в XX в. внес Степан Игнатьевич Богданов (1882–1936). По воспоминаниям его дочери, ныне живущей в Санкт-Петербурге, ее отец «был очень грамотный. Он здесь и в Петербурге, еще до революции он здесь и даже учил, там ученики у него были, и здесь мальчиков тоже»⁶⁴. В моленной он состоял уставщиком и головщиком, но наставником не был. Также Степан Игнатьевич занимался перепиской книг. В 30-е гг. он подвергался преследованиям от советской власти, как за свою религиозную деятельность, так и за ведение единоличного хозяйства: «Он скрывался, помню, за то что он молился и за то что вот он приехал когда из города в деревню, вот для матери он построил новый дом. Ну как же, это ж богач, кулак! Решили отобрать его дом. Отобрали, когда вот это было раскулачивание в тридцать седьмых годах, наверное, тогда... Потом это он скрывался вот я уже помню... на чердаке»⁶⁵. Опасаясь преследований, по воспоминанию дочери С. И. Богданова, он даже писал письмо М. И. Калининну с просьбой восстановить его в правах, но, как и аналогичные просьбы в дореволюционный период, попытки добиться справедливости не увенчались успехом.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 12. 1904 г. Л. 4.

⁶⁰ *Д-в М.* За три месяца // Щит веры. 1914. № 2–3. С. 279–302.

⁶¹ Со слов В-й А. С., 1932 г. р., род. в д. Гуськи. ПМА. Опрос в г. Санкт-Петербург. 05.02.2017. (Опр. И. А. Мельников).

⁶² Со слов В-й З. С., 1935 г. р., род. в д. Гуськи. Материалы ЭКЭ НовГУ. Опрос в д. Карельское Пестово, июль 2015 г. (Опр. И. А. Мельников).

⁶³ Со слов В-й З. С., 1935 г. р., род. в д. Гуськи. Материалы ЭКЭ НовГУ. Опрос в д. Карельское Пестово, июль 2015 г. (Опр. И. А. Мельников).

⁶⁴ Со слов В-й А. С., 1932 г. р., род. в д. Гуськи. ПМА. Опрос в г. Санкт-Петербург. 05.02.2017. (Опр. И. А. Мельников).

⁶⁵ Со слов В-й А. С., 1932 г. р., род. в д. Гуськи. ПМА. Опрос в г. Санкт-Петербург. 05.02.2017. (Опр. И. А. Мельников).

Вероятно, вплоть до пожара при гуськовской моленной существовало обучение чтению и пению, которое велось инокинями⁶⁶. Учили петь «по солям»: «Так же, в деревне, там и учились. Это и маму так вот женщина учила специально собирала людей и учила»⁶⁷.

Иноческие традиции, благодаря сильной федосеевской и филипповской традициям, поддерживались тут достаточно долго. Поминание Степана Григорьевича Тимофеева, составленное в 1948 г.⁶⁸, содержит имена множества иноков, проживавших в Гуськах, Вышнем Волочке, Сольцах и Рыбинске. Среди духовных отцов, помимо служивших в дд. Гуськи, Карельское Пестово, Пальцево и Брикуново, упоминаются также рыбинские и солецкие, а также петербургские отцы, служившие в моленной на Московской Заставе. Особая связь с этим духовным центром староверия прослеживается в занесении многочисленных имен «заставских» инокинь в поминание отца Степана Григорьевича. К сожалению, сложно идентифицировать имена местных наставников, занесенных в поминание, по имеющимся архивным источникам. Некоторые из имен, находящиеся в конце каждого раздела поминания, сопровождаются пометами с обозначением их «мирских» эквивалентов, полученных при крещении в официальной церкви. Это, как правило, имена тех людей, которые были лично знакомы или приходились родственниками составителю поминания. Таким образом, помянник лишний раз подтверждает широкое распространение практики крещения новорожденных в грекороссийской церкви и их последующего перекрещивания. Например, упоминавшийся ранее Степан Игнатьевич Богданов занесен в поминание под именем Евфимия, и лишь дополнительное пояснение напротив имени позволяет выяснить, кто именно упоминается в данном конкретном случае.

Пожар и антирелигиозная кампания сильно подорвали старообрядческую общину Гуськов. Последний известный местный наставник – «дядя Филя», умер, вероятно, еще до войны⁶⁹. После него обязанности наставника исполняли различные «бабушки»: Агаша и Евдокия Макшеева (Макшеиха), которые крестили детей⁷⁰. Начиная с 1960-х гг. местное старообрядчество тяготеет к д. Карельское Пестово, где вплоть

⁶⁶ Шамарин В. В. Староверие в Новгородской области // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 1999 год. М., 1998. С. 72–73.

⁶⁷ Со слов В-й А. С., 1932 г. р., род. в д. Гуськи. ПМА. Опрос в г. Санкт-Петербург. 05.02.2017. (Опр. И. А. Мельников); о народных и церковных певческих традициях данной местности см.: Бурьяк М. Обычай отцов // Чело. 2000. № 3 (19). С. 89 – 94.

⁶⁸ Поминание христианина Тимофеева Стефана Григорьевича, 1932–1948 // Книжница Невской старообрядческой поморской общины, б/н.

⁶⁹ Со слов В-й З. С., 1935 г. р., род. в д. Гуськи. Материалы ЭКЭ НовГУ. Опрос в д. Карельское Пестово, июль 2015 г. (Опр. И. А. Мельников).

⁷⁰ Со слов Т-й О. П., 1954 г. р., род. в д. Гуськи. Материалы ЭКЭ НовГУ. Опрос в д. Гуськи, июль 2015 г. (Опр. И. А. Мельников).

до относительно недавнего времени проводились моления и совершались основные требы.

Деревня Карельское Пестово являлась духовным центром староверия Устюженского уезда уже в начале XIX в. К этому времени здесь уже имелась моленная, вероятно, филипповского согласия, жители деревни поддерживали тесные связи с гуськовскими федосеевцами и филипповцами. В 1816 г. наставниками в моленной служили отставной солдат Кузьма Тимофеев, крестьянин Кирьян Артамонов, отставной офицер Гаврил Савин, живописец (возможно, принимавший участие в написании богатых иконостасов местных староверческих храмов) Михаил Макаров⁷¹. Примечательно, что все они были холостыми⁷².

Однако в первой трети XIX в. среди местных староверов появляются некоторые вероучительные разногласия, которые, как можно предположить, привели к построению в 1832 или 1833 г. второй, федосеевской моленной. Старый филипповский молитвенный дом был достроен и расширен в 1835 или 1836 г.⁷³ Оба храма существовали без соответствующей санкции, поэтому так же, как и гуськовские, были опечатаны в 1839 г., причем часть икон и книг была спасена верующими⁷⁴. Судя по описям 1849 г., обе моленные были несколько скромнее, нежели храмы в д. Гуськи. Тем не менее, в них также были полноценные иконостасы, как минимум включавшие в себя местный и деисусный ряды⁷⁵. Духовным наставником (к сожалению, в документах не уточняется, какого согласия) в одной из них служил крестьянин д. Пестово Еремей Семенов, родившийся в 1799 г. Во время дознания по делу о раскольнических моленных в 1843 г. выяснилось, что Семенов имел при себе некий Указ Лифляндского губернского правления, позволявший ему служить наставником, который оказался фальшивкой⁷⁶. Вероятно, под угрозой суровой расправы за перекрещивание, в котором наставник сам признался, а также за изготовление фальшивого документа, Еремей Семенов первоначально согласился присоединиться к официальной церкви. Однако во время принудительного приведения к причастию он выплюнул «святые тайны», а антидор спрятал в рукав, признавшись, что «не может оставить раскола». Этим 44-летний наставник лишь усугубил свое положение, и по подозрению «на выплюнутие святых тайн» был выслан в Закавказье⁷⁷.

За исключением этого эпизода, как и в случае с гуськовской моленной, на сей раз дело ограничилось закрытием молитвенного дома.

⁷¹ РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800. Л. 156 об.

⁷² Там же.

⁷³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 200. Д. 441. 1843 г. Л. 85.

⁷⁴ Там же. Л. 64 об., 85.

⁷⁵ Там же. Л. 105–106.

⁷⁶ Там же. Л. 7–7 об.

⁷⁷ Там же. Л. 8–16.

Изъятые иконы почти все были возвращены владельцам. Несмотря на преследование, местные крестьяне продолжали скрытно придерживаться старой веры, так что в 1850-х гг. в Карельском Пестове 125 из 163 жителей являлись старообрядцами⁷⁸. Моленная, вероятно, федосеевского согласия, располагалась в доме крестьянина Григория Анфиногенова. Богослужения в ней проходили практически ежедневно, а ввиду гонений иконы и книги приносились только на время службы⁷⁹. Сам 42-летний Анфиногенов был наставником, некоторое время находился в бегах после столкновений с властями, живя в Преображенском богаделенном доме. Он характеризовался чиновниками следующим образом: «Ведет жизнь самую строгую и уединенную; любим и уважаем обществом»⁸⁰. В службах ему помогала 55-летняя вдова Прасковья Иванова⁸¹.

В 1850–1890-х гг. крестьяне д. Карельское Пестово, совместно со своими единоверцами из других соседних деревень, участвовали в подаче многочисленных прошений об открытии Свищевского кладбища и закрытых моленных. Но в виду того, что они так же, как и их единоверцы в д. Гуськи, значились «совратившимися в раскол», прошения не удовлетворялись. Согласно ведомости о числе «лиц, именующих себя раскольниками», в Карельском Пестове в 1883 г. проживало 200 душ староверов⁸². Согласно данным духовного ведомства к 1899 г. это количество существенно сократилось до 120 душ, причем лишь 6 из них были из числа «коренных» и все принадлежали к федосеевскому согласию⁸³.

Если в XIX в. основным «гнездом раскола» считалась д. Гуськи, то уже с 1930-х гг. именно Карельское Пестово становится средоточием конфессиональной активности местных старообрядцев. Долгое время здесь стояла «старинная-старинная» моленная, ни разу не закрывавшаяся даже в советские годы. Она имела характерные особенности федосеевского обустройства: это был с виду обычный дом с двумя входами для тех, которые «особо староверы», и для замирщенных, пространство внутри с помощью лавки, поставленной вдоль, делилось на мужскую и женскую половины⁸⁴. Еще в послевоенные годы в Карельском Пестове имелись свои наставники – Александр Кутузов («отечествовал» до начала 1960-х гг.), Васильев Емельян Васильевич (1960-е гг.)⁸⁵, а также

⁷⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480 в. Л. 374.

⁷⁹ Там же. Л. 379 об.

⁸⁰ Там же. Л. 382.

⁸¹ Там же. Л. 382 об.

⁸² РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д. 35. 1883. Л. 37.

⁸³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 69. 1899. Л. 4.

⁸⁴ Со слов Л-й Т. Н., 1935 г. р., род. в д. Карельское Пестово. Материалы ЭКЭ НовГУ. Опрос в д. Карельское Пестово, июль 2015 г. (Опр. И. А. Мельников).

⁸⁵ Со слов Л-й З. В., 1935 г. р., род. в д. Карельское Пестово. Материалы ЭКЭ НовГУ. Опрос в д. Карельское Пестово, июль 2015 г. (Опр. И. А. Мельников).

Степан Григорьевич Тимофеев (1907–1986)⁸⁶. В 1960-х гг. незарегистрированная группа старообрядцев насчитывала около 40 человек, из которых 6 считались «служителями культа»⁸⁷. После смерти последнего наставника его функции исполняла Марья Михайловна Веселова, гражданская жена Степана Игнатьевича Богданова, учившаяся уставу и пению в Старой Руссе⁸⁸. Именно на ней пресекалась местная преемственность наставничества. В конце 1980-х гг. моленная Карельского Пестова несколько раз подвергалась разграблению, в настоящее время она практически полностью разрушена.

Деревня Карельское Пестово, де-факто оставшаяся последним крупным центром местного старообрядчества, как бы аккумулировала в себе символический капитал окрестных общин, практически прекративших свое существование в советский период. Именно здесь в последнее время находилась почитаемая сельская святыня – «чудотворная» икона Тихвинской Богородицы, известная по архивным источникам как «раскольничья святыня» д. Левково (подробнее см. далее). Почитание иконы и практика приносов «по завету» сохранялись, насколько можно судить, и среди мирского населения вплоть до разрушения пестовской моленной. Примечательно, что изначально икона находилась не в самом молитвенном доме, а на дому у одинокой старушки по прозвищу «баба Надя Птюшка». Особенным почитанием икона пользовалась у жителей д. Брикуново⁸⁹. Одна из информантов вспоминала: «Ходили мы-то брикуновские отседа. Так там кака-то икона была, Тихвинска Богородица, подзолоченная. <...> Завечались, что заболает, да болеть-то... или со скотиной – ну, по завету ходили туды молиться»⁹⁰. Во время войны, после смерти хранительницы иконы: «ее перенесли в моленную, так в моленной она стояла и приходили люди со всех деревень <...> На нее приходили, ленточки там вешали. Это я уже приезжала когда в отпуск уже отсюда. Заветы, видимо, давали»⁹¹. Вероятно, икона пропала после последнего ограбления моленной.

Данный факт интересен по той причине, что икона продолжала выполнять роль святыни не только для «верных», но и для «мирских» и в XX в. Этим можно объяснить первоначальное хранение иконы вне стен основной моленной, как и в XIX в.

⁸⁶ Шамарин В. В. Указ. соч. С. 72.

⁸⁷ ГАНУ. Ф. Р-4110. Уполномоченный Совета по делам религии Совета Министров СССР по Новгородской области. Оп. 4. Д. 77. Л. 32.

⁸⁸ Шамарин В. В. Указ. соч. С. 72.

⁸⁹ Со слов Л-й Т. Н., 1935 г. р., род. в д. Карельское Пестово. Материалы ЭКЭ НовГУ. Опрос в д. Карельское Пестово, июль 2015 г. (Опр. И. А. Мельников).

⁹⁰ Со слов С-й П. Д., 1934 г. р., род. в д. Брикуново. Материалы ЭКЭ НовГУ. Опрос в д. Брикуново, июль 2015 г. (Опр. И. А. Мельников).

⁹¹ Со слов В-й А. С., 1932 г. р., род. в д. Гуськи. ПМА. Опрос в г. Санкт-Петербург. 05.02.2017. (Опр. И. А. Мельников).

Деревня Брикуново. В XIX–XX вв. эта деревня, расположенная несколько в стороне от дд. Гуськи и Карельское Пестово, также входила в своеобразный куст центров староверия Устюженского уезда.

К 1816 г. здесь также имелись две моленные – федосеевская и филипповская. Наставниками в одной из них служили Сильвестр (Селиверст) Парфентьев, его незамужняя дочь Матрена, девка Елена Филиппова и разведенная Иринья Максимова, в другой – крестьяне Федор Никифоров и Максим Савельев⁹². Однако к 1843 г. здесь оставалась лишь одна моленная, выстроенная в начале века упоминавшимся Сильвестром Парфентьевым и значившаяся в описях федосеевской⁹³. Так же, как и в описанных ранее храмах, в ней был полный иконостас, в котором насчитывалось свыше ста икон⁹⁴. В 1848 г. молитвенный дом, в числе прочих, был разорен, но уже к 1853 г. здесь опять было две моленные – в избе крестьянина Матвея Селиверстова (очевидно, сына прежнего наставника) и Федора Богданова. В обеих моленных было небольшое количество икон, вероятно, скрывааемых от бдительного ока полиции и церковного начальства. В первой моленной службы совершались ежедневно⁹⁵.

Молитвенный дом Селиверстова просуществовал вплоть до 1867 г., когда по донесению Духовной Консисории он был закрыт. Несмотря на то, что моленная существовала под видом жилой постройки, во время дознания выяснилось, что «при избе не имеется надворных служб, вообще же таковая оказывается устроенною вместо моленной, разрушенной по распоряжению Г. Губернатора в 1848 г.»⁹⁶.

В это время в ней служили крестьяне д. Брикуново Исаак Проккопьев и Савелий Андреев. После закрытия молитвенного дома крестьяне два раза подавали прошение о пересмотре дела, но, вероятно, их просьбы так и остались без ответа⁹⁷. Как и прочие их единоверцы, брикуновские староверы с особенными надеждами восприняли закон 1883 г. Прошло чуть более месяца после его выхода, как они подали прошение о восстановлении моленной, в котором отдельно ходатайствовало о дозволении открыть при д. Брикуново еще и кладбище, «так как ныне приходится возить покойников за 22 версты от селения на кладбище при деревне Карельском Пестове»⁹⁸. В прошении опять же было отказано в виду того, что «просители не значатся раскольниками

⁹² РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800. Л. 156 об.

⁹³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 200. Д. 441. 1843. Л. 107.

⁹⁴ Там же. Л. 107–109 об.

⁹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 379.

⁹⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 10. 1868. Л. 6 об.

⁹⁷ Там же. Л. 1–1 об., 9.

⁹⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д. 36. 1883. Л. 1 об.

от рождения, а потому и не могут воспользоваться правами, дарованными законом 3 мая сего года одним лишь коренным раскольникам»⁹⁹.

К сожалению, более поздние документы не дают нам сведений о брикуновской общине. Однако староверие сохранилось здесь вплоть до недавнего времени, о чем свидетельствуют полевые материалы.

Судя по воспоминаниям, «молебенка» в Брикунове, стоявшая на конце деревни, так же, как и гуськовская, сгорела в предвоенные годы¹⁰⁰. После этого происшествия молиться собирались на домах у верующих. В 1930–1940-е гг. в деревне имелся свой наставник Иван Романович Костров. Примечательно, что он был не женат и жил в одном доме с незамужней сестрой, также причетницей местной общины. Современные информанты объясняют факт безбрачия многолетней службой в царской армии: «И я этого дедушка запомнила <...> Он неженатой оставше. Двадцать лет, никак, служил, дак... И заслужен был крестик»¹⁰¹. После его смерти некоторое время за духовными требами обращались к Настасье Савельевне Кузнецовой, тетушке одного из информантов. Однако, вероятно, уже в первые послевоенные годы моления в Брикунове проводились не так регулярно, и местные жители ходили молиться в Карельское Пестово.

Деревня Левково. Первое известие о старообрядцах д. Левково относится к 1843 г. Во время большого дознания по всем моленным Устюженского уезда жители этой деревни, как и других упоминавшихся ранее, подали прошение об открытии опечатанного молитвенного дома в их деревне. Однако ситуация оказалась несколько необычной – полицейское начальство не знало ни о существовании моленной в Левкове, ни о ее закрытии¹⁰². Не упомянут этот молитвенный дом и в отчете Арсеньева, хотя чиновником в 1853 г. отмечалось, что 15 из 33 жителей деревни были старообрядцами. Можно предположить, что левковская моленная уже в это время обладала неким особым статусом, что проясняется более поздними документами. В 1896 г. по прошению Новгородской Духовной Консистории была закрыта местная «часовня», располагавшаяся на дому Антона Трофимова. В Левкове в это время проживало 37 «раскольников» федосеевского согласия. Спустя три года решение было отменено, а моленная вновь открыта. Любопытен при этом тот факт, что молитвенное здание было довольно известно в округе как среди староверов, так и «мирских», благодаря хранившейся в нем чудотворной иконе Тихвинской Богородицы. По словам благочинного, «[в]

⁹⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 221. Д.36. 1883. Л. 5 об.

¹⁰⁰ Со слов С-а С. В., 1926 г. р., род. в д. Брикуново. Материалы ЭКЭ НовГУ. Опрос в д. Брикуново, июль 2015 г. (Опр. И. А. Мельников).

¹⁰¹ Со слов С-й П. Д., 1934 г. р., род. в д. Брикуново. Материалы ЭКЭ НовГУ. Опрос в д. Брикуново, июль 2015 г. (Опр. И. А. Мельников).

¹⁰² РГИА. Ф. 1284. Оп. 200. Д. 441. 1843. Л. 63.

моленную Трофимова до закрытия ее в 1896 году стекалось до 200 человек богомольцев, в том числе много и православных из деревень – Алексеихи, Треблова и Новинки соседнего Вятского прихода, для служения молебнов по завету пред иконою Тихвинской Божией Матери на третий день Св. Пасхи. [...] Православным, [...] служились особые молебны в моленной только с запрещением им молиться, дабы не обмирщить «верных» (раскольников). Пение в моленной в эти праздники бывало более громкое и хорошо слышное на улице»¹⁰³. Для исполнения молебнов из дд. Гуськи и Карельское Пестово приглашались «старцы», так как в самом Левкове не имелось своих служителей, кроме «установщицы девки» Екатерины Ивановой¹⁰⁴.

Стоит сказать, что икона была конфискована при закрытии моленной в 1896 г.¹⁰⁵, однако крестьяне неоднократно продолжали ходатайствовать о ее возвращении¹⁰⁶. Вероятно, их усилия увенчались успехом, так как более поздние полевые материалы содержат упоминание о местной почитаемой иконе. Таким образом, д. Левково, располагавшаяся в 2½ верстах от прихода господствовавшей церкви с. Вятка, была тесно связана с почитанием местной сельской святыни – «чудотворной» иконы Богородицы. Примечательно, что это почитание поддерживалось не только староверами, но и «мирскими», ходившими к иконе по завету. В данном случае старообрядчество выступало институциональной основой, «санкционировавшей» формы народного культа. Необычен и тот факт, что в 1880–1890-х гг. все это происходило на глазах помощника синодального миссионера Власова, непосредственно проживавшего в Левкове¹⁰⁷. В XX в., вероятно, та же икона «переехала» в д. Карельское Пестово, где продолжалось описанное ранее почитание этой сельской святыни.

Таким образом, Устюженский уезд на протяжении всего XIX столетия являлся значительным центром старообрядчества Новгородской губернии. Здесь получили распространение федосеевское и филипповское согласия. Староверы уезда поддерживали тесные связи со своими единомышленниками из других регионов, а во второй половине XIX в. заняли свое место в сетевой системе соподчинения, развитой Преображенским федосеевским монастырем в Москве. Деревни Пестовского района Новгородской области, ранее бывшие наиболее значимыми духовными центрами староверия микрорегиона, продолжали играть эту роль и в XX в. Однако в начале текущего столетия они постепенно по-

¹⁰³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 222. Д. 69. 1899. Л. 5.

¹⁰⁴ Там же. Л. 5 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 3 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 3 об., 7.

¹⁰⁷ Там же. Л. 7.

теряли свое значение ввиду общих социокультурных изменений, затронувших российскую деревню в последние десятилетия.

Приложения

Таблица 1
**Старобрядческое население Устюженского уезда в 1853 г.
 (по волостям)¹⁰⁸**

№	Населенные пункты	Количество душ
Барсанихская волость		
1	д. Амочино	43
2	с. Барсаниха	95
3	д. Борки	8
4	д. Еваньково	72
5	д. Елемщино (Еремцево?)	5
6	д. Милашкино (Малашкино)	28
7	д. Мошицы (Мышинец, Мышенец)	18
8	д. Пальцово (Пальцево)	42
9	д. Рекшина Горка	21
Белокрестская волость		
10	д. Бритьино	16
11	д. Гора	2
12	д. Загорье	11
13	д. Игнашино	13
14	д. Ушаково	20
Кирво-Климовская волость		
15	д. Осипово	45

¹⁰⁸ Составлено на основе: Список населенных мест Новгородской губернии. Вып. VIII. Устюжнский уезд. Новгород, 1911. С. 10–111; РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480в. Л. 373–374 об.

16	д. Сумино (Сомино)	8
	Леонтьевская волость	
17	д. Горка	10
18	д. Орел	26
	Маловосновская волость	
19	д. Брюхово	17
20	д. Журавково	4
21	д. Мирowo	15
22	д. Погорелово	6
23	д. Раменье	36
24	д. Спиrowo	32
25	д. Токарево	19
26	д. Шаймы	14
	Никифоровская волость	
27	Веретьяшно (Веретьягино)	8
28	Дары (Дара)	26
	Охонская волость	
29	д. Березки (Березкина?)	7
30	д. Брикуново	171
31	д. Вырец	7
32	д. Гуськи	382
33	д. Давыдово	28
34	д. Дурманы	17
35	д. Ескино (Еськино)	7
36	д. Ефимцево	5
37	д. Левково	15
38	д. Ладожка (Ладoшка)	123
39	д. Медведовo	64
40	д. Никитино (Никитина)	5
41	д. Плеса	10
42	слц. Пономарево	4

43	д. Попово	42
44	д. Пестово Карельское	125
45	д. Слободка	29
46	д. Тимофеево	15
47	д. Федорово (Федоровщина?)	99
48	д. Харламово	7
	Соминская волость	
49	д. Важани (Вожани)	40
50	д. Великое Село	26
51	д. Дуброва	5
52	д. Ефимово	33
53	д. Журавлево	16
54	д. Забелье	47
55	д. Заголодно	63
56	д. Захарьино	4
57	д. Зехово	5
58	д. Калитка (Калитки)	12
59	д. Кобылья Гора	24
60	д. Косые Харчевни	125
61	с. Кожаново	11
62	д. Лопастино	21
63	д. Мартынково (Мошнево погост)	46
64	д. Медведево	10
65	д. Мыза	3
66	д. Мышкино	3
67	д. Нетинино	5
68	д. Новики (Новиково?)	7
69	д. Пахново	10
70	д. Подбережье	23
71	д. Раменье	39
72	с. Сомино	131

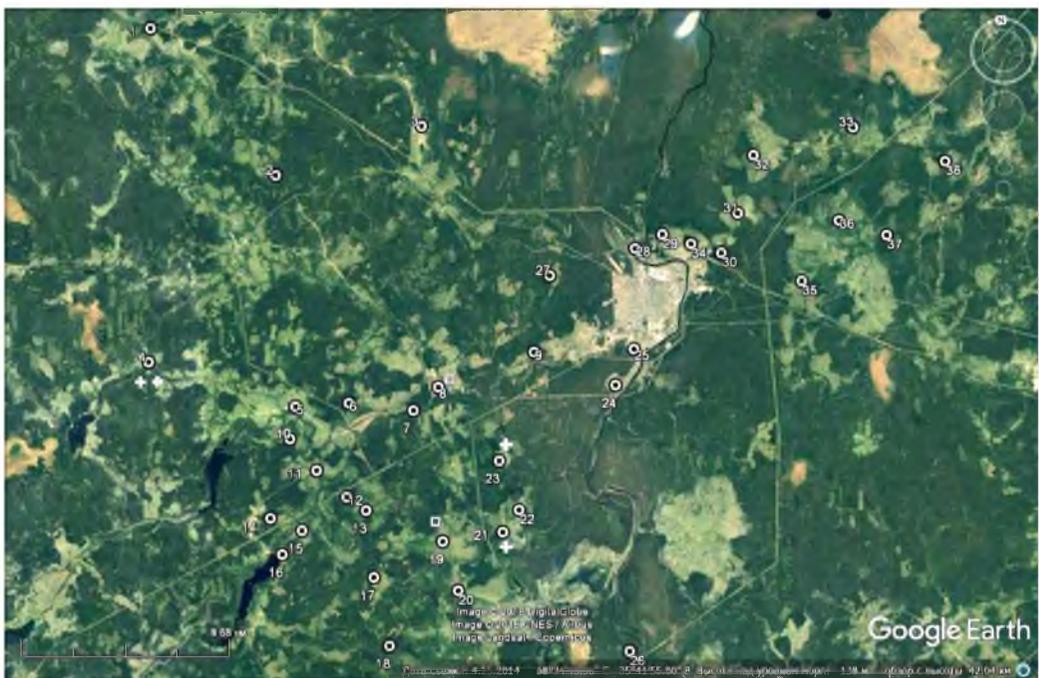
73	д. Стулово	31
74	д. Ушаково	20
75	д. Чудшы	70
76	д. Шелгачево	8
	Чирецкая волость	
77	д. Александрово	37
78	д. Лычно	37
79	д. Матвеево	61
80	д. Марьино	36
81	д. Оснополье (Яснополье)	42
82	д. Семище (Селище)	165
83	с. Чирцы	136
	Всего по уезду:	3174

Таблица 2

Старообрядческое население Устюженского уезда в 1816 и 1900 гг.
(по приходам)¹⁰⁹

	1816	1900
Устюженский Христорождественский	–	2
Охонский (Троицкий, Николаевский и Иванский)	710	105
Суглицкий	43	3
Ладожский	–	65
Чирецкий	–	67
Всего:	753	242

¹⁰⁹ Составлено на основе: РГИА. Ф.815. Оп. 16. Д. 800. Л. 152–152 об.; ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3457. Л. 1–7.

Расселение староверов юга Устюженского у. в сер. XIX в.¹¹⁰

1. Ивановково; 2. Осипово; 3. Сумино; 4. Брикуново; 5. Мышинец; 6. Медведево; 7. Харламово; 8. Никиткино; 9. Ескино; 10. Ефимцево; 11. Омочино; 12. Пальцово; 13. Федорово (Федово); 14. Давыдово; 15. Ладожка; 16. Барсаниха; 17. Малапкино; 18. Борки; 19. Репшина Горка; 20. Еремцево; 21. Гуськи; 22. Левково; 23. Пестово-Корельское; 24. Слобода; 25. Березки; 26. Попово; 27. Плесь; 28. Кольцово; 29. Дурмань; 30. Вырец; 31. Тимофеево; 32. Брюхово; 33. Мирново; 34. Погорелово; 35. Рамень; 36. Пономарево; 37. Журавково; 38. Спирово; 39. Токарево; 40. Шаймы;

¹¹⁰ Карты выполнены на основе карт Ф. Ф. Шуберга (1855 г.) и программы Google Earth Pro 7.3.1.

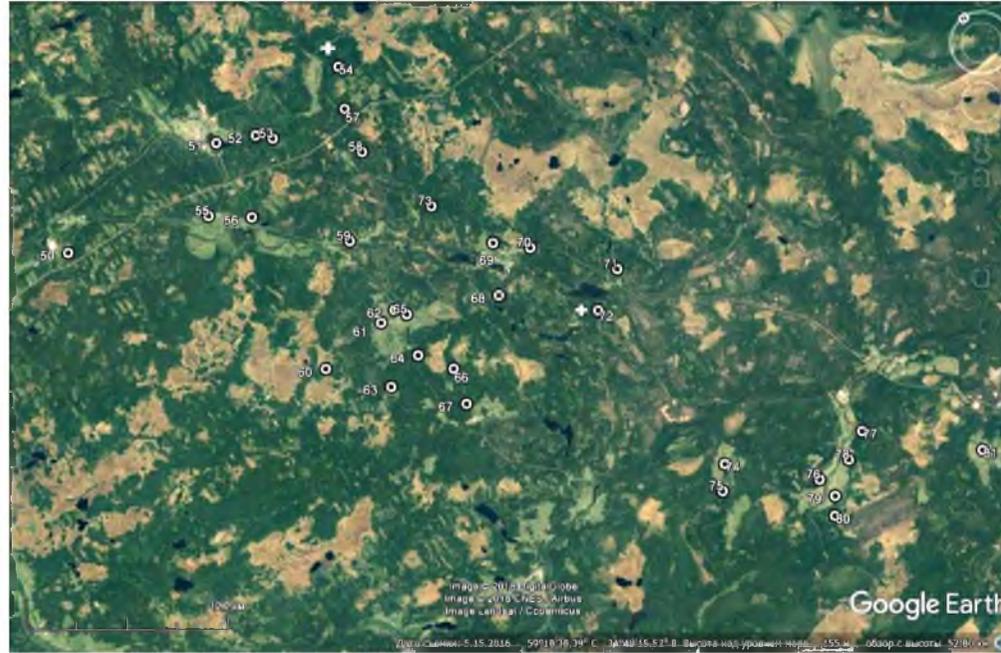

Расселение староверов юго-востока Устюженского у. в сер. XIX в.

41. Горка; 42. Орел; 43. Чирец; 44. Лычно; 45. Оснополье; 46. Селище; 47. Марьино; 48. Александрово;
49. Матвеево; 50. Вертягино; 51. Дары.

Условные обозначения

⊙ - населенные пункты
 ⊕ - молельные
 □ - кладбища

Расселение староверов севера Устюженского у. в сер. XIX в.

52. Чудцы; 53. Ефимово; 54. Машнево; 55. Шалгачево; 56. Великое Село; 57. Косые Харчевни; 58. Заголодно; 59. Подберезье; 60. Лопастино; 61. Кобылья Гора; 62. Раменье; 63. Журавлево; 64. Мышино; 65. Дуброво; 66. Зехово; 67. Негино; 68. Медведево; 69. Мыза; 70. Захарино; 71. Калитки; 72. Сомино; 73. Вожани; 74. Забелье; 75. Кожакново; 76. Стулово; 77. Пахново; 78. Новинка; 79. Бритьино; 80. Ушаково; 81. Загорье; 82. Игнашино; 83. Гора.

Клирошанка из д. Карельское Пестово.
Фото нач. XX в.

Ворота кладбища близ д. Комзово.
Фото автора 2015 г.

Намогильная плита
на кладбище в с. Охона.
Фото автора 2015 г.

Здание бывшей моленной в д. Карельское Пестово.
Фото автора 2015 г.